

УДК 9(517.3)

Советские специалисты в Монголии: колониальный опыт эпохи застоя

А. В. Михалев

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Аннотация. Рассматривается исторический опыт работы советских специалистов в Монголии, его итоги и последствия.

Ключевые слова: Монголия, советские специалисты, работы, крах идеологии пролетарского интернационализма.

Период с 1960-х по 1980-е гг. – время масштабного расширения советского влияния в Азии и в Африке, связанного с началом социалистических народно-демократических преобразований в Анголе, Афганистане, Вьетнаме, Корее, Мозамбике, Эфиопии. Их реализация была невозможна без масштабной помощи от СССР. Модели сотрудничества с этими странами были скопированы с уже годами отработанной схемы «братского содружества МНР и СССР» и теории некапиталистического развития. Монгольская Народная Республика (далее – МНР), оказавшаяся в сфере советского влияния еще в начале 1920-х гг., в 1960-е гг. приняла на своей территории невиданные по масштабам объемы военной и экономической помощи от СССР. Это было следствием обострения отношений между Советским Союзом и Китаем: первоначально из-за территориального спора об о-ве Даманском, а впоследствии из-за китайско-вьетнамского конфликта. Монголия, являвшаяся буфером между Китаем и СССР, в 1960–1980-е гг. стала военным форпостом СССР в Северо-Восточной Азии.

Сотни тысяч советских граждан и граждан стран Варшавского договора жили и работали на территории Монголии на протяжении этих 20 лет. По данным статистики, 2/3 советских специалистов и советников, работавших за рубежом, трудились в Монголии [3]. В течение этого времени сформировался уникальный социальный опыт взаимодействия между советскими специалистами и монголами. Данный опыт мы локализуем строго в указанных временных рамках и характеризуем как колониальный.

Для нас важно не только строго очертить хронологию явления, но и связать его с определенными процессами в СССР. Дело в том, что именно в период правления Л. И. Брежнева наблюдался тотальный кризис ценностей советского образа жизни [5, с. 269]. Происходили определенная смена значений и изменение поведенческих стереотипов. Ориентация на потребление, связанная с всеобщим дефицитом товаров, вела к латентному социальному конфликту внутри советского общества между теми, кто имел доступ к престижному потреблению, и теми, кто не имел. Монголия, имевшая важное стратегическое

значение, стала территорией, в пределах которой делались стремительные карьеры, и местом, где можно было получить все, чего не было в Советском Союзе. В то же время уровень обеспечения граждан МНР был крайне низок. Фактически усилиями советского руководства в пределах одного государства было создано некое «идеальное» жизненное пространство с благоприятными для советского гражданина условиями. Анализу этого феномена посвящена данная статья.

Почему колониализм?

Исследуемая нами ситуация, связанная с советским присутствием в Монголии в конце XX в., в монголоведческой узкоспециализированной литературе традиционно описывалась в категориях государства-сателлита. Этим термином мы обязаны Оуэну Латтимору, впервые применившему его в отношении Монголии [18]. Однако в своем определении О. Латтимор слишком сосредоточился на внешнеполитическом аспекте, упустив из внимания срез повседневных взаимодействий между советскими гражданами, работавшими по контрактам (далее – советскими специалистами), советскими военными, монголами и русскоязычным креольским населением страны (местными русскими). В 1959 г. в Гонконге выходит книга Джейн Никелл Кнутсон, посвященная советскому колониализму (второе издание – 1967 г.) [17]. Вслед за этой сравнительно небольшой работой (всего 174 страницы) термин «советский колониализм» прочно входит в научный оборот в американской науке. Основной чертой исследований того времени является то, что главный акцент в них делался на внешней политике. Отношения на уровне повседневности практически не рассматривались, что существенно ослабляло аргументацию авторов. Другим апологетом этой теории стал Роберт Артур Рупен, написавший целую серию работ о монгольском национализме и советском доминировании в Монголии. Первые же полевые исследования в области политической антропологии выявили уникальный срез жизни этих групп населения, который был почти однозначно охарактеризован как колониальный. Едва ли не первым исследованием этой проблематики стала работа К. Каплонски по исторической памяти монголов. Именно этому исследователю удалось зафиксировать антиколониальный нарратив в националистическом дискурсе Монголии начала 1990-х гг. [16]. С выходом в свет этой книги мы можем констатировать начало постколониальных исследований в пространстве Монголии.

Характеризуя эту ситуацию, американский исследователь Л. Адамс пишет: «Постколониальная теория снабжает нас новой оптикой, которую стоит опробовать в отношении изучаемого нами региона. Новый инструмент ценен тем, что он позволяет не только раскрыть постколониальную природу нынешней Центральной Евразии, но и выявить отличия ее социума от других постколониальных обществ. Более того, исследование среднеазиатских обществ поможет совершенствованию постколониальной теории через приложение ее к более широкому спектру имперских проектов, в особенности тех, в основе которых лежали некапиталистические способы доминирования» [1].

В свою очередь, отталкиваясь от интеллектуальной традиции постколониальных исследований, мы сконцентрируем свое внимание на производстве

культурных и социальных дистанций в Монголии 1960–1980-х гг. В данной ситуации мы опираемся на традицию, идущую от Э. В. Саида и его ориентализма. Несмотря на масштабные дискуссии об этой теории, особенно в применении к Российской империи в работах Н. Найта и Адиб Халида [11], работ о советском периоде и о советском присутствии за пределами СССР сравнительно мало. Возвращаясь к наследию Саида, интеллектуально связанному с марксистским антиколониализмом, мы фиксируем несколько ключевых моментов характеризующих, изучаемую ситуацию как колониальную:

- Советские специалисты, получившие представление об Азии из марксистской критики европейского колониального дискурса, оказавшись в Монголии, воспроизвели его на уровне повседневности.
- Нахождение в инокультурной среде, существенно отличавшейся даже от центральноазиатских республик СССР, актуализировало самоидентификацию советских граждан как европейцев. Это привело к формированию новых социальных границ.
- Наконец, вершину этого колониального опыта составляла советская интернациональная миссия, позиционировавшая советский народ как старшего брата, а монгольский – как младшего. Более того, ленинский тезис об отсталых и угнетенных народах Востока стал официальным обоснованием культуртрегерской позиции советских специалистов. Вследствие этого, в среде бывших советских специалистов часто можно услышать упоминания о «великой цивилизационной миссии советского народа» в отношении Монголии.

Советские специалисты в Монголии

Советские специалисты в Монголии – это феномен, имеющий имперскую природу. Еще в начале XX в., после Русско-японской войны, русские военные неоднократно писали о необходимости аннексии или колонизации этой страны [4]. В результате была выбрана колонизационная модель. Тысячи русских крестьян переселялись в Монголию с целью ее сельскохозяйственного освоения. Советский Союз лишь продолжил данную политику, сменив приоритет с аграрного освоения на промышленное. Советские инженеры, геологи, архитекторы создавали в Монгольской Народной Республике «промышленную базу социализма». Для их детей эта страна стала местом рождения, однако не стала Родиной. Монголия во многом оставалась непонятой и чуждой, несмотря на все усилия советской пропаганды, декларировавшей братскую дружбу двух народов. В это время монгольская политическая элита получала советское образование, а 90 % населения страны в той или иной степени понимало русский язык. За весь период с 1921 по 1990 г. высшее образование в СССР получило более 15 тыс. монгольских граждан. Советские же специалисты после нескольких лет работы в дружественной стране по-монгольски не знали ничего, кроме приветствия «Сайнбайнау!» («Здравствуйте!») и несложного набора из 5–10 фраз [8, с. 73].

Для того чтобы понять степень зависимости монгольского рынка от ресурсов СССР, приведем статистику по привлечению советских специалистов в МНР. Фактически их сокращение в конце 1980-х гг. свидетельствует о перело-

ме в экономических отношениях Монголии и СССР и о начале трансформации пространства Восточного блока. Начнем с того, что сведения об общем количестве советских специалистов в Монголии отсутствуют в открытом доступе. Л. Шинкарев приводит данные о динамике роста советских специалистов в стране начиная с 1961 г. – 990 человек, в 1962 г. – 2624 человека, в 1963 г. – 3779 человек [14, с. 322]. В. Ц. Ганжуров приводит данные конца 1980-х гг. (см. рис.).

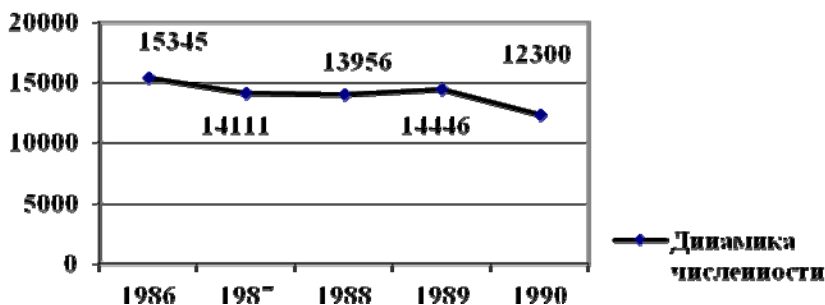

Рис. Динамика численности советских специалистов в МНР в 1980-е гг. (тыс. чел.)

В целом всех советских граждан в Монголии (военных, гражданских специалистов, строителей, врачей, потомков колонистов царской России) насчитывалось около 100 тыс. человек при населении страны 2,2 млн [10].

В 1960-е гг. в монгольских городах была сформирована особая инфраструктура, направленная на обслуживание советских граждан, работавших в МНР: магазины, школы, больницы, детские сады. Кроме того, был открыт доступ к престижному потреблению: в Монголию из СССР и стран социалистической ориентации экспортировались продукты, одежда, бытовая техника. Однако возможность приобретать данные товары была лишь у советских специалистов и монгольской элиты. В это же время для советских граждан, работающих в МНР, были введены потребительские чеки, получившие монгольское наименование «бичиги». Чек позволял советскому гражданину после возвращения в СССР приобрести товары престижного потребления и высокой стоимости: автомобили, квартиры, мебель. Именно чеки были основой мотивации труда советских специалистов в Монголии. Ради них ехали в страну со слаборазвитой инфраструктурой дорог и больниц, а также с тяжелыми условиями быта. Угроза лишения чека делала бессмысленным длительное проживание в Монголии.

Это обеспечивалось посредством сети спецмагазинов с товарами престижного потребления, пользовавшихся правом экстерриториальности, что в условиях тотального дефицита в МНР 1970–1980-х гг. порождало антисоветские настроения, перераставшие в этнонационалистические выступления. Между тем в условиях тотального дефицита, особенно в 1980-е гг., покупка в «советском магазине» была едва ли не единственной возможностью для монголов приобрести даже не столько престижные вещи, сколько товары первой необхо-

димости, например молоко для детей. Формирование подобной системы потребления в среде советских специалистов в Монголии, привязанной к системе привилегий, привело к окончательному разрыву между повседневными практиками жизни в Монголии и идеологией «пролетарского интернационализма».

К началу 1980-х гг. качественный состав приезжавших из СССР в Монголию снизился, что вызвало нарекания принимающей стороны: «Лет пятнадцать назад советские специалисты, с которыми я работал, были гораздо доброжелательнее и трудолюбивее, чем те, кто приезжает к нам сейчас» [8, с. 72]. В условиях кризиса системы социализма в 1980-е гг. советские специалисты зачастую вызывали раздражение в среде местного населения. Во многом это было связано с позицией СССР в отношении Монголии, такая позиция имитировала отношение Запада к колониальному Востоку. Как отмечает монгольский историк К. Дэмбрэл, «СССР был своеобразным Западом для Монголии, т. е. западная цивилизация проникала в Монголию в XX веке при помощи СССР» [3].

Идеология доминирования

Идеологической основой советского присутствия в Монголии служила модель отношений, опирающаяся на интернациональный союз советского и монгольского народов, «старшего» и «младшего» братьев [13]. «Страшим братом» был советский народ, которому отводилась важная просветительская миссия помощи «отсталым» народам Востока. Акцентируя внимание на «отсталости», удалось сформировать у монголов так называемый комплекс младшего брата. Именно «восточность» и отставание были ключевыми стигмами, приписываемыми монголам. Эта теория опиралась на тезис В. И. Ленина о необходимости «...оказать этим (в нашем контексте монголам. – *А. М.*) отсталым и угнетенным, более чем мы, народам бескорыстную культурную помощь» [6, с. 120]. Такая политика была ориентирована на задачу строительства социализма, минуя капитализм, согласно гипотезе Ленина о том, что «...с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития – к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» [7, с. 246]. Эта теория получила название «политика пролетарского интернационализма».

Концепция отставания Азии от Европы занимала важное место в советской/марксистской парадигме мировой истории и политики. Идея прогресса и революционного перехода от одной общественно-политической формации к другой, более совершенной, была основой всех преобразований в странах социалистического лагеря. Выстроенная пятиступенчатая модель развития истории (первобытно-общинный строй – рабовладение – феодализм – капитализм – социализм/коммунизм) отводила Монголии место на третьей ступени развития, с которой она, минуя капитализм, должна была перейти к социалистической формации. Хотя постоянно подчеркивалось, что именно эта страна является вторым в мире государством «победившего социализма». Вслед за СССР Монголия прошла сложный путь коллективизации и индустриализации, фактически подорвавших основы кочевой цивилизации монголов.

Стигма отсталости и полуфеодального состояния в Монголии создавалась советским востоковедением на протяжении 1920-х гг., начиная с самой первой экспедиции И. М. Майского в 1921 г. [9] и заканчивая фундаментальным исследованием Б. Я. Владимирцова о монгольском кочевом феодализме [2]. Фундаментальные исследования монгольских социологов того времени подчеркивали кардинальность эволюционного скачка; наиболее ярким примером является работа «Минуть капитализм» [15]. Однако советские догматики марксизма не были склонны говорить о строительстве социализма в МНР. Для этой страны специально была разработана промежуточная стадия развития, так называемый некапиталистический путь. Этому курсу Монголия следовала до 1940 г., после чего она стала именоваться социалистическим государством. Полноправным членом Совета экономической взаимопомощи МНР стала лишь в 1962 г. Фактически на начальном этапе советско-монгольского содружества советская сторона постоянно подчеркивала свое превосходство в эволюционном развитии общества.

В итоге это стало основой превосходства советских граждан, имевших поддержку еще и со стороны своей армии, стоявшей в МНР. Они создали особый мир, отличный от условий жизни в стране исхода (в СССР). Это мир специмагазинов, талонов, доступных «дефицитных» товаров и особых прав для советских граждан. Этот мир диссонировал с реальностью монгольского «кочевого социализма», с дефицитом потребления и бесправием рядовых аратов. Так возникли две параллельные реальности советского присутствия в Монголии.

Повседневность и социальная память

На уровне повседневности противоречия во взаимоотношениях выливались в постоянные столкновения между двумя группами русскоязычного населения. Монголы и местнорусские, не имея возможности потребления престижных товаров из специмагазинов, были ориентированы на потребление в теневом секторе экономики. Таких феноменов советское присутствие в Монголии породило множество, все они противоречили риторике советской идеологии. Именно в Монголии многие советские граждане получили первый опыт спекуляции, продавая излишки престижных товаров. Именно в этой стране плохо скрываемая расовая неприязнь создавала основу для имперского комплекса у одних и этнонационализма у других, разрушая идиллическую картину «пролетарского интернационализма». Данная идеология была лишь прикрытием для неравноправия между монголами и советскими гражданами. Хотя официально проявление дискриминации в отношении монголов наказывалось высылкой на «Большую землю» и лишением возможности престижного потребления. В своей основе это была колониальная система со всеми присущими ей институтами. Она открывала широкие возможности для одних и не оставляла никаких шансов другим. В то же время в период советского присутствия из числа монголов сформировалась элита, управлявшая страной и ориентировавшаяся на советский тип потребления.

Опыт жизни в Монголии сказался на тысячах советских граждан, поскольку между СССР и МНР существовал безвизовый режим. МНР на протяжении

длительного времени была самой доступной за границей, как тогда говорили, 16-й республикой СССР. Как отмечает В. И. Дятлов, «реальный статус Монголии в социалистический период, ее положение в системе межгосударственных взаимоотношений не давали населению приграничных советских сибирских регионов ощущения приграничности, не формировали соответствующей психологии и не создавали каких-либо значимых специфических проблем» [12, с. 35]. В Монголию из СССР туристы в основном ехали с целью приобрести дефицитные товары или совершить какие-либо обменные операции.

В итоге в стране стала процветать неформальная экономика социализма. Чеки начали перекупать спекулянты, товары из спецмагазинов стали попадать на черный рынок. Данный сегмент монополизировали представители русской диаспоры в Монголии (потомки колонистов царской России и беженцев 1920-х гг.), фактически не имевшие права доступа в спецмагазины, однако легко устанавливавшие контакт с соотечественниками и скупавшие у них излишки товаров. Ограничение в гражданских правах привело к снижению правовой культуры в среде русской общины в МНР. В 1970–1980-е гг. многие из них были заняты в неформальном секторе экономики – занимались спекуляцией и теневым предпринимательством (видеосалоны и т. п.). Подобные факты фиксируются в материалах воспоминаний советских военных и гражданских специалистов, пользовавшихся посредничеством местнорусских для сбыта «излишков» из военторгов и спецмагазинов. К концу 1980-х гг. наиболее дискриминируемая группа населения МНР заняла важное место в системе перераспределения товаров престижного потребления, к которым она изначально не имела права доступа. На черном рынке можно было приобрести товары из советских магазинов по более высокой цене, зачастую в три раза превышавшую первоначальную. Фактически черный рынок существовал за счет монгольского населения, остро нуждавшегося в продуктах в условиях тотального дефицита. Наряду со спекуляцией, начиная с 1970-х гг. в Улан-Баторе стала процветать валютная проституция, ориентированная на граждан стран социалистического блока. К концу 1980-х гг. Улан-Батор приобрел все черты классического колониального города. Особенно ярко они проявились в сегрегации города. Так, по сей день в столице Монголии существует «русский квартал». В социалистическую эпоху в «русском квартале» фактически существовала автономная администрация, контролировавшая живших в Улан-Баторе советских граждан.

Информант, в 1980-е гг. работавший в Монголии инженером, рассказал: «Ну, как следили? Ну, Общество советских граждан: вызывали тех, кто не соответствовал моральному облику, пропесочивали. Между собой, конечно, над этим смеялись, но и побаивались. С монголами не всегда все хорошо получалось, в большинстве случаев отношения строились на обмене товаров. В то время это было главное, деньги значили гораздо меньше. Советские власти это не одобряли».

В то время в 15-м микрорайоне города концентрировались советские гражданские магазины и магазины «Военторга», снабжавшие советских специалистов различными товарами, в частности разнообразными качественными продуктами, включая полностью уходившую за рубеж продукцию «Союзплодоим-

порта» (элитные консервы и напитки), предметы бытовой техники и, конечно же, книги. Наряду с наличием собственной администрации все эти особенности делали «русский квартал» замкнутым анклавом, отгороженным от внешнего мира и его проблем и находившим, по крайней мере в лице некоторых его представителей, различные оправдания такой замкнутости. Отсюда жесткая оценочность, сквозящая в представленном ниже нарративе информанта-офицера, служившего в Монголии в 1980-е гг.: «Были очереди из монголов возле военторга. Они хотели внаглую туда прорваться или выменять что-либо. Не хотели понимать, что это только для советских военных. Мы туда от вечного советского дефицита уехали. Потом, когда нас оттуда вывели, я понял, как хорошо было там: никаких проблем с тем, как достать продукты. Правильно их не пускали – всем не могло хватить. Спекуляция этими товарами, конечно, была, но за деньги. Но продавали лишнее кому не надо, я никогда ничего не продавал, у меня семья, что продавалось, все было нужно».

«Русский квартал» обеспечивал стабильность жизни советских граждан в Монголии, так как в его пространстве читались привычные культурные коды. Символично, что в советский период «русский квартал» официально назывался Найрамдал (Дружба), после падения коммунистического режима его переименовали в Баянзурх (название связано с находящейся рядом горой Баянзурхула). Советский стиль в русском анклав Улан-Батора прослеживался даже в дизайне архитектуры. Это создавало чувство комфорта у советских специалистов и советников и не вызывало необходимости в адаптации. На здании советского торгового представительства был изображен большой герб СССР, который сохранился по сей день. На здании музея маршала Г. К. Жукова были изображены сцены, не связанные с его деятельностью в Монголии и относящиеся ко Второй мировой войне. В сочетании с типовыми пятиэтажными домами, характерными для большинства городов СССР, все упомянутое формировало абсолютно советский дизайн пространства.

В это же время был построен город Эрдэнэт – город советских шахтеров. Это был второй по величине город страны, в котором количественно преобладали советские граждане. Для них также были открыты спецмагазины, предоставлена возможность престижного потребления.

Таким образом, сущность системы советского присутствия заключалась в жесткой сегрегации пространства, особенно пространства потребления.

Отдельно нужно сказать о военных городах для советских гарнизонов. Они просто дублировали небольшие советские города инфраструктурой и управлением. Руины этих городов находятся в степи, подобно остаткам городов древности. Например, город Чойр с разрушенным военным аэродромом или заброшенная советская база в Сайшанде все еще являются напоминанием о советском военном присутствии. Автору этой работы неоднократно доводилось видеть развалины пятиэтажных домов, построенных для советских офицеров в районе города Дархан. Эти дома были брошены в начале 1990-х гг. и никем не заселены. Постепенно из них уносили стекло, двери, разобрали крышу – в итоге через двадцать лет поле ухода советских военных они стали призраками степи.

Заключение

Советские мигранты в Монголии – феномен достаточно сложный и многообразный. Это люди из разных республик СССР, с разным уровнем образования и разным социальным опытом. Однако как только трудовая миграция из СССР в Монголию стала массовой, так сразу появились негативные проявления взаимоотношений между советскими гражданами и монголами. Как справедливо отмечали монгольские чиновники в 1980-е гг., «еще десять лет назад качественный состав приезжающих советских специалистов был выше» [8, с. 65]. Революционные события зимы 1989/90 г., связанные с падением социализма в стране, имели в своей основе антипатию ко всему советскому. В этот период участвовавшие реальные и мнимые нападения на советских граждан в Монголии вынудили советское руководство строить металлические заборы вокруг всех значимых объектов в городе; таким образом, символические границы приобрели физическое воплощение. Вот как об этом писал советский строитель А. Неверов, работавший в то время в Монголии: «Мы металлическими заборами пытаемся оградить себя от населения той страны, в которой работаем, той страны, которая получает от нашего народа столько помощи, сколько никакая другая. Думаю, что единичные инциденты не дают нам права делать этого. К каждому из нас не поставить охрану, а нам ведь жить в этой стране, с этим народом, ходить в его музеи, театры, магазины, любоваться ее природой. Кстати, ни одна из стран, чьи представители живут и работают здесь – не последовали нашему примеру» [8, с. 65]. На наш взгляд, дефолт системы советского присутствия в стране напрямую был связан с жестким разрывом между декларируемым равенством и братством и жесточайшим неравноправием в возможностях. Фактически Монголия стала филиалом СССР, в котором советские граждане были людьми особого статуса, на языке самих специалистов, иронизирующих по этому поводу, – «белыми людьми». Как отмечает российский публицист Л. Шинкарев, «армейские шоферы гоняли машины в степи во все стороны. Подъехав к отаре, на виду у изумленного пастуха отлавливали овец, связывали им ноги и бросали в кузов. Можно было определить местоположение советских военных городков по круглосуточным шашлычным запахам». При этом сами военные возражают на это тем, что «они лично покупали мясо у монголов» [14, с. 308]. Все это – реальность и негативный опыт советского присутствия, который еще предстоит осознать и проанализировать.

События зимы 1989/90 г. положили начало процессу десоветизации страны. Авторитет советских советников, советских специалистов и даже советских товаров стремительно падал. К началу 1992 г. из страны уехали практически все граждане бывшего СССР, значение всего советского достигло нулевой отметки. Слабые попытки России напомнить новому руководству Монголии о внешнем долге вызывали лишь раздраженную риторику в Улан-Баторе.

Травма неудачного монгольского опыта стала прологом к еще более сложным процессам, развернувшимся после распада СССР. Массовый исход русского населения из большинства республик Центральной Азии стал под-

тверждением окончательного падения идеологии «пролетарского интернационализма». Более того, сегодня на всем постсоветском пространстве исследователи ищут модель, которая бы адекватно объяснила все процессы, связанные с советским проектом. Монголия в этом ряду не исключение, именно ее пример может быть весьма показательным для современных постколониальных теорий. В этом контексте речь прежде всего идет о различии в потреблении между доминирующей группой и подчиненными. При этом нужно сказать, что даже сегодня еще не описаны практики того времени; единственный нарратив, который имеется, – это воспоминания советских специалистов. Заканчивая данный текст, хочется привести высказывание советского дипломата А. С. Шкварина, служившего в Монголии в 1941 г.: «Монголия – колоссальная советская колония» [14, с. 309].

Список литературы

1. *Адамс Л.* Применима ли постколониальная теория к Центральной Евразии // *Неприкосновенный запас*. – 2009. – № 4 (66). – С. 25–36.
2. *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б. Я. Владимирцов. – Л., 1934.
3. *Дэмбрэл К.* Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX в. / К. Дэмбрэл. – Иркутск, 2002.
4. *Кушелев Ю.* Монголия и монгольский вопрос / Ю. Кушелев. – СПб., 1912.
5. *Левин М.* Советский век / М. Левин. – М., 2008.
6. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Т. 30.
7. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Т. 41.
8. *Лиштованный Е. И.* От великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии / Е. И. Лиштованный. – Иркутск, 2007.
9. *Майский И. М.* Современная Монголия / И. М. Майский. – Иркутск, 1921.
10. Монголын Улсынстатистикийн Баримт Эмхэтгэл 1988. – Улаанбаатар, 1989.
11. Российская империя в современной зарубежной литературе : антология. – М., 2004.
12. Стабильность и конфликт в российском приграничье. Сибирь и Кавказ. – М., 2005.
13. *Улымжиев Д. Б.* Нерушимая братская дружба советского и монгольского народов / Д. Б. Улымжиев. – Улан-Удэ, 1961.
14. *Шинкарев Л. И.* Цеденбал и Филатова: Любовь. Власть. Трагедия / Л. И. Шинкарев. – М. ; Иркутск, 2004.
15. *Ширендыб Б.* Минуя капитализм / Б. Ширендыб. – Улан-Батор, 1967.
16. *Kaplonski C.* Truth, history and politics in Mongolia. The memory of heroes / С. Kaplonski. – London ; New York, 2004.
17. *Knutsen N.* Outer Mongolian Study in Soviet colonialism / N. Knutsen. – Hong Kong, 1959.
18. *Lattimore O.* Nationalism and Revolution in Mongolia / O. Lattimore. – Leiden, 1955.

Soviet Specialists in Mongolia: Colonial Experience under the Era of Stagnation

A. V. Mikhalev

Buryat State University, Ulan-Ude

Abstract. The article considers the historical experience of the Soviet specialists in Mongolia, its results and its outcome.

Keywords: Mongolia, Soviet specialists, work, failure of ideology of proletarian internationalism.

Михалев Алексей Викторович

доктор политических наук, доцент,

кафедра государственного

и муниципального управления

Бурятский государственный университет

670017, Россия, г. Улан-Удэ, а/я 4048

тел.: 8(983) 332-67-26

e-mail: mihalew80@mail.ru

Mikhalev Aleksey Viktorovich

Doctor of Sciences (Politology), Associate

Professor, Department of State and Local

Government

Buryat State University

p/o box 4048, Ulan-Ude, Russia, 670017

tel.: 8(983) 332-67-26

e-mail: mihalew80@mail.ru